

Сола Монова

**У ОДУВАНЧИКА  
БЕЛАЯ КРОВЬ**

Повесть

Москва  
2014

УДК 82-3  
ББК 84  
М77

М77 **Монова С.**  
У одуванчика белая кровь: Повесть / Сола Монова — М.: Lennex Corp,  
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2014. — 120 с.

**ISBN 978-5-519-03217-9**

История о первой любви и первом предательстве. Главные героини – тринадцатилетние девочки: городская Маша и деревенская Маринка. Место действия – поселок при зоне строгого режима. Время действия – конец восьмидесятых. Изначально история появилась на свет в виде киносценария.

**Фотография на обложке:**

Автор фотографии – Даниил Конторович  
Модель – Наталья Кузнецова

**ISBN 978-5-519-03217-9**

© Сола Монова, 2014

© «Lennex Corp», 2014

1987 год

## ДЫШИТЕ – НЕ ДЫШИТЕ

### 1

Маша, девочка лет двенадцати с грустным болезненным лицом, вдохнула и задержала дыхание.

— А теперь дышите, — сказал доктор и приложил к её спине металлическое ухо стетоскопа.

По спине побежали мурашки, Маша вся сморщилась.

— Мария, пожалуйста, дышите глубоко, — строго сказал доктор. — Вы дышите как цыпленок, вдохните уже как человек!

Маша выдохнула насколько смогла глубоко, так, что у неё даже голова закружилась. В одноместной больничной палате по стенам бегали солнечные зайчики. За окном дрожала изумрудная листва. Доктор перемещал железный наконечник по Машинной спине, доктор был стареньким и довольно известным профессором, поэтому всё делал очень основательно. Рядом на краешке больничной кровати сидела красивая женщина в белом халатике, накинутом поверх модного платья. Женщина следила за профессором настолько внимательно, что слышала, как шумят внутри Маши легкие и как мурашки бегут по Машинной спине.

— Я бы вас выписал, — сказал наконец доктор, — в стационаре держать смысла нет.

— А лечащий врач? — поинтересовалась женщина.

— Мария, душа моя, когда вас Елена Николаевна смотрела?

— Сегодня. Уколы отменила, — пробурчала Маша, натягивая на спину майку.

— Вот и замечательно. В такую погоду в постели лежать не то что не полезно, а даже вредно. Вредно! Вы когда кровь сдавали?

— Утром.

— Прекрасно. Если анализы будут хорошими, а они обязательно будут хорошими, мы вас сегодня же выпишем. Можете собирать вещи.

Маша улыбнулась.

— А почему так грустно? Или вам хочется остаться у нас навечно?

Маша улыбнулась радостно-радостно, как и просил доктор.

## 2

Уже в кабинете доктора в дамской сумке женщины обнаружилась литровая банка с красной икрой, женщина запуталась в пакетиках и вся покраснела.

— Роман Маркович, я даже не знаю... Вы столько для нас сделали: и палата одноместная, и лекарства помогли достать, я вам очень благодарна. Вот, не отказывайтесь...

— Лариса Васильевна, это слишком! Это даже похоже на взятку, — строго сказал доктор.

— Нет-нет, это от чистого сердца — засуетилась женщина, высвобождая банку из целлофана. — Это сахалинская, настоящая, только икра и соль. Вы посмотрите, какой цвет — хорошая икра должна иметь нежно-оранжевый цвет...

Профессор осторожно взял икру, взвесил в руке и посмотрел на свет. Оранжевый внутри банки был самым чистым и нежным — за стеклом переливался сказочный жидкий янтарь, обещая все земные удовольствия сразу.

В дверь постучали, доктор вздрогнул и виновато поставил банку на пол. В кабинет заглянула молоденькая медсестра. Увидев красивую посетительницу, она сконфузилась и смущенно протянула серые бумажки:

— Роман Маркович, анализы готовы.

— Так давайте их сюда.

Медсестра проскользнула к столу и положила бумажки на краешек, на обратном пути она опытным взглядом оценила спрятанную нежно-оранжевую банку, потом — красивую посетительницу и выскользнула за дверь с таинственным выражением лица.

— Поздравляю, Лариса Васильевна, сегодня в ординаторской будут говорить только о вас, — вздохнул профессор.

— Я же от самого чистого сердца...

— Это вы им скажите, — засмеялся Роман Маркович. — Впрочем, теперь уже поздно. Позвольте попробовать вашу сахалинскую?

Доктор осторожно открыл соблазнительную банку, достал из шкафчика серебряную ложечку и зачерпнул немного нежно-оранжевой икры. Икра оказалась божественной.

— М-м-м... Гениальная икра. Гениальная! — закатил глаза профессор. — С вашего позволения — ещё ложечку. М-м-м...

Женщина привстала, воодушевленная. Волшебная икра открывала любые двери.

— Спасибо, Лариса Васильевна... Угодили... — причмокнул доктор, аккуратно закрыл банку и принялся мыть ложечку в ручкомойнике. — А вот девочка у вас, прямо скажем, слабенькая. Всю зиму уши лечили, теперь легкие лечим... Опять же астма... Нет, астму пока не ставим, но уже были первые ласточки.

— Так вот я и пришла посоветоваться, что делать. Может, что-то порекомендуете? Процедуры или физио... Может,

импортные препараты нужны? Я денег не пожалею. И вас отблагодарю...

Доктор положил чистую ложечку на место и философски сложил пальцы.

— Да тут не препараты. Вы понимаете, нет такого препарата. Вы же видите — у неё предрасположенность. Каждый день миллионы детей выбегают на улицу без шапок и сидят на сквозняках, и только Маша попадает в больницу.

— Это я знаю, — вздохнула женщина, — вы мне лучше скажите, что делать?

— Что делать, что делать... — замялся доктор. — Если бы я знал. Тут ведь нет точного ответа...

— Ну должен же быть хоть какой-то ответ, всё-таки двадцатый век!

Доктор вздохнул.

— Я бы порекомендовал сменить климат, — сказал он очень дружелюбно.

— Климат?

— Да, климат. Может, это и не совсем современно, но зато работает. Переезжайте к морю. На полгода хотя бы, на год, и посмотрите, как изменится состояние.

Женщина замерла на стуле и уставилась в стену. Кабинет был таким же белым, как палата. Листики за окном дрожали.

— Да меня же никто не отпустит! — сказала она обреченно. — На мне же весь репертуар держится! Вы понимаете, что значит уехать на год? Это значит всё! Можно не возвращаться.

Доктор покачал головой.

— Понимаю. А что делать? Не можете уехать надолго — отправьте Машу к морю хотя бы на лето. Есть куда отправить?

Женщина молчала.

## НА КАТЕРЕ

### 1

На палубе пассажирского катера сильно дуло. Маша натянула на уши вязаную шапку, но в каюту не пошла, кидала летящим за бортом чайкам куски хлеба. Чайки стремительно пикировали за кусками и били друг друга тяжелыми белыми крыльями. Солнце светило по-летнему жарко. Большая компания совсем ещё молодых людей с гитарой заняла всю заднюю палубу. Они соорудили из рюкзаков логово, тайком обнимались и недовольно косились на Машу — единственную гостью в их идеальном мире.

Все девочки и мальчики, покинув детство, становятся такими подозрительными, точно знают что-то секретное. Маша много раз чувствовала признаки этого тайного сговора, и ей становилось ещё интереснее. В больницах она любила находить забавных пациентов и наблюдать за ними. Одного высокого мужчину навещали разные женщины, и со всеми он был одинаково нежен и ласков, трогал волосы и даже целовал при посторонних. Потом доктор сказал, что мужчина хоккеист, хотя это мало что объясняло. К другому, с костылём, ходила девушка в зеленом платье. Костыль и девушка всегда уходили за больницу по одному, а возвращались уже вместе. Там, за больницей, что-то их сильно сближало. Когда у вас ограничена свобода, вы волей-неволей становитесь очень внимательным человеком. Свободные люди, как правило, так рассеянны.

— Ты чего смотришь, — спросила девушка из компании, держа руку на плече загорелого парня в расстегнутой рубашке.

— Я гитару слушаю, — спокойно ответила Маша. — Нельзя?

— Ну слушай, только не смотри так.

— Как — так? — улыбнулась Маша.

— А никак не надо смотреть, — сказала девушка раздраженно, — иди, девочка, к маме. Тебя, наверное, мама потеряла.

Маша устроилась на палубе у самой капитанской рубки. Тут совсем не дуло и слышно было хорошо. Она не обижалась на девушку, вцепившуюся в расстегнутую рубашку, Маше и так было хорошо видно и слышно, но теперь об этом никто не знал. Девушка из компании пела...

У одуванчика белая кровь,  
Белая кровь и одежду пачкает.  
Ты Расскажи мне, мой милый мальчик,  
Что такое любовь!  
Может меняется к лету она?  
Точно головка у одуванчика.  
Ты Расскажи мне, мой милый мальчик,  
То, что лишает сна!

Маша достала из чемодана зелёный клетчатый плед и закуталась в него. Катер качало, чайки не отставали, солнце светило, Маша закрыла глаза и не заметила, как уснула.

## 2

Сначала Маше ничего не снилось. Просто какое-то голубое сияние. Потом сияние превратилось в море. Под водой был виден песок и детские ноги. Две семилетние девочки

стояли по пояс в воде. Одна была с длинными белыми волосами, другая — ослепительно рыжая.

— Песчанка — потому что в песке сидит, — зазвучал голос рыжей, и её лицо стало совсем отчетливым, словно кто-то навел фокус. — Есть ещё другие — ну, там, мидия или гребешок, но они на глубине. А песчанка тут, на косе. Понятно?

— Угу, — кивнула беленькая, вся в мурашках от холода.

— Пацаны покозеевские до двух вёдер за раз нарывают, прикидываешь?!

— Угу, — снова кивнула беленькая, стуча зубами.

— А теперь сюда гляди, — рыжая указала на дно. — Видишь, сопля такая болтается? Это — знак. Каждая ракушка выпускает мешочек, чтобы дышать. Видишь мешочек?

Беленькая приблизила лицо к зыбкой поверхности воды, сделала из ладошек круг и заглянула в этот маленький колодец. Внизу, у самого дна, трепыхалось что-то, похожее на медузу.

— Вижу.

— Тогда прямо туда втыкаешь ногу и начинаешь рыть, — и рыжая стала крутиться на месте, ловко погружая ногу в песок. — Натыкаешься на камень, но это не камень — это она.

Рыжая ушла с головой под воду и вынырнула, держа в руке большую двустворчатую раковину.

— Ну! Огромная же! Держи. Я буду копать, а ты держать. Понятно?

Беленькая кивнула.

Рыжая и беленькая сидели на бесконечном диком пляже. Беленькая дрожала, обхватив колени руками. Рыжая ковырялась палкой в костре. В костре шипели ракушки.

— Сейчас они от жара языки высунут, и можно есть, — потирала руки рыжая, — вот-вот, смотри-смотри...

Рыжая вскочила, палкой выкатила ракушку из костра. Ракушка шипела, и оранжевый язык торчал наружу. Девчонка ловко разломила пальцами створки.

— Самое вкусное — язык, — деловито сказала она. — Мантию можно есть, но она гадкая, а язык — вкуснятина, только кишки нужно выпотрошить. Вон, гляди, как это делается.

Рыжая грязными пальцами вырвала язык, ногтем проделала дырку в резиновой плоти моллюска, выпустила зелёные потроха и посмотрела на беленькую пристально:

— Скажи, Маша, только честно, ты ведь взаправду — мое братское сердце?

— Взаправду, — серьезно ответила беленькая.

— Тогда — на! Пробуй первая, — рыжая вложила в пальцы беленькой заветный кусок. — Я лично считаю так: братские сердца должны всем делиться. Вот я умею песчанок добывать — на, братское сердце, угощайся. А у тебя в саду — слива. Ты будешь меня к себе в сад пускать — на сливу.

— А живот после этого болеть не будет? — поморщилась беленькая, глядя на испачканные потрохами пальцы.

— После сливы? Не будет. У меня вообще живот никогда не болит. Я тебя всему-всему научу. Но сначала давай поклянемся в дружбе на все времена. Понятно?

Вдруг голос рыжей изменился и стал низким и грубым:

— Так-так, а кто это у нас тут спрятался без билета? — строго спросил этот незнакомый голос.

### 3

Маша открыла глаза и увидела склонившуюся над ней контролершу с клеёнчатой сумочкой и рулоном билетов на груди.

— Девочка, ты с кем? — пробасила контролерша.

Она заглянула прямо в сон и разбила голубое сияние.